

.....
————

Маленький принц

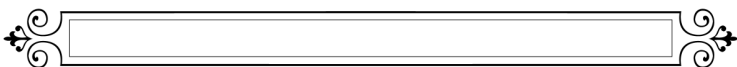
————
.....

ЛЕОНУ ВЕРТУ¹

Я хочу попросить прощения у детей за то, что посвящаю эту книгу взрослому. Но у меня есть на то серьезная причина: этот взрослый — мой самый лучший друг на всем белом свете. Есть и вторая причина: он понимает всё-всё, даже детские книжки. А есть и третья: проживает он во Франции, где сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается в утешении. Впрочем, если этих причин всё-таки недостаточно, я, пожалуй, посвящу эту книгу мальчику, которым был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми (хотя далеко не все помнят об этом). Итак, я дополню посвящение:

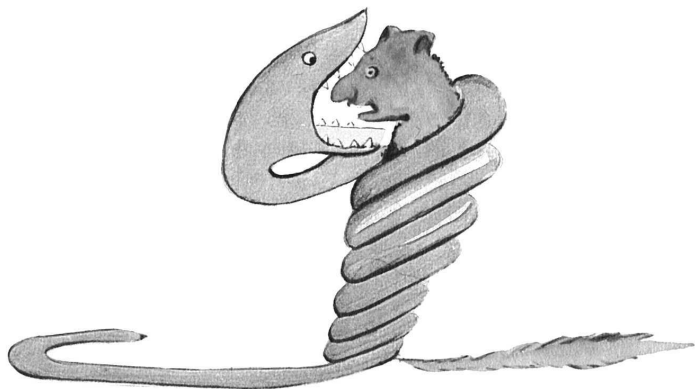
*Леону Верту,
когда он был мальчиком*

¹ Французский прозаик и литературный критик (1878–1955 гг.).

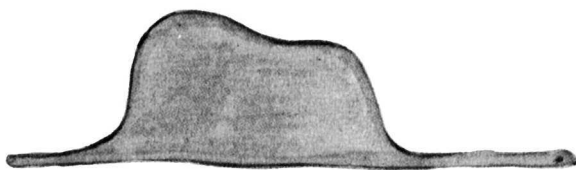
ГЛАВА I

Однажды, когда мне было шесть лет, я увидел поразительный рисунок — в одной книге о тропических лесах под названием «Непридуманные истории». На рисунке удав заглывал дикую кошку. Выглядело это примерно так:

В книге говорилось: «Удавы заглывают свою добычу целиком, не прожевывая. После чего больше не могут двигаться и спят на протяжении шести месяцев, переваривая добычу».

Я долго размышлял об удивительном мире джунглей, затем и сам вооружился карандашом и создал свой первый рисунок — то есть рисунок номер один. Вот он:

Я начал показывать этот шедевр взрослым и спрашивать: правда страшный рисунок?

Все они отвечали мне: «А что такого страшного в шляпе?»

Но я нарисовал не шляпу! А удава, который заглотнул слона. Тогда я изобразил удава изнутри, чтобы взрослые наконец-то поняли. Вечно им нужно всё объяснять. Вот мой рисунок номер два:

На что взрослые посоветовали мне забыть про рисунки с удавами — будь они изнутри или снаружи — и больше интересоваться географией, историей, арифметикой и грамматикой. Так и вышло, что в возрасте шести лет я навсегда отказался от блестящей карьеры художника. Не смог пережить печальную судьбу моих рисунков, номер один и номер два. Эти взрослые, они никогда ничего не понимают, а объяснять им всё снова и снова — очень утомительно, особенно для ребенка.

Так что я выбрал себе другое занятие и выучился управлять самолетами. Я облетел почти весь мир. И география, надо признаться, здорово мне пригодилась. Я с первого же взгляда понимал, скажем, Китай подной или Аризона. А это крайне важно, если ночью вдруг собьешься с пути.

В общем, за свою жизнь я тыщу раз имел дело с тысячей серьезных людей. Я гостил у множества взрослых. Я хорошенько изучил их. И не могу сказать, что мое мнение изменилось в лучшую сторону.

Когда мне встречался взрослый посмышленее прочих, я устраивал ему проверку — показывал свой рисунок номер один, который всегда носил при себе; чтобы проверить, насколько этот взрослый проницательный. Но всегда слышал в ответ одно: «Это шляпа». И тогда я уже не решался говорить с ним ни об удавах, ни о тропических лесах, ни о звездах. Я подстраивался под него. Говорил о бридже и о гольфе, о политике и о галстуках. И мой собеседник был очень рад, что познакомился с человеком весьма здравомыслящим.

ГЛАВА 2

Так что жил я один, и мне не с кем было поговорить по душам — пока шесть лет назад мне не пришлось совершить посадку в пустыне Сахаре из-за поломки. Что-то стряслось с мотором. А поскольку со мной не было ни механика, ни пассажиров, я готовился сам, без чьей-либо помощи, устранить серьезную неисправность. Для меня это был вопрос жизни и смерти: питьевой воды оставалось дней на восемь, не больше.

В первый вечер я заснул прямо на песке, в сотнях миль от ближайшего человеческого жилища. Я был куда более одинок, чем потерпевший кораблекрушение на плоту посреди океана. И вообразите же мое удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок:

— Пожалуйста, нарисуй мне барашка!

— Что...

— Пожалуйста!

Я живо вскочил на ноги, словно ужаленный. Старательно протер глаза — и буквально оторопел: передо мной стоял симпатичный паренек совершенно необычайной

наружности, смотря на меня очень строго. Вот его лучший портрет, который мне немного позже удалось нарисовать. Только, конечно, мой рисунок не в силах в полной мере передать его очарование. И в этом нет моей вины. Ведь я отказался от карьеры художника еще в шестилетнем возрасте — и всё из-за взрослых. Я так и не научился рисовать ничего, кроме удавов, снаружи и изнутри.

Итак, я таращился на это чудо круглыми от изумления глазами. Не забывайте — я находился в сотнях миль от обжитых мест. И всё же было непохоже, что мой маленький гость потерялся и умирает от усталости, от голода и жажды или от страха. Он совсем не был похож на ребенка, что заблудился посреди пустыни, в сотнях миль от человеческого жилья. Когда ко мне вернулся дар речи, я спросил:

— Но... как ты здесь очутился?

А он вновь очень вежливо, словно говорил о чем-то крайне важном, произнес:

— Пожалуйста... нарисуй мне барашка.

Когда человек ошеломлен происходящим, у него просто нет сил противиться. И хотя его просьба звучала абсурдной — ведь мы находились посреди голой пустыни, на грани жизни и смерти, — я достал из кармана листок бумаги и авторучку. Но тут вспомнил, что, усердно занимаясь географией, историей, арифметикой и грамматикой, я так и не научился рисовать — о чем с некоторой досадой и сообщил пареньку.

На что он отвечал:

— Это ничего. Ты нарисуй барашка.

Но ведь я никогда не рисовал баранов, поэтому просто повторил один из двух своих рисунков — удава снаружи. Однако меня изумила реакция мальчугана:

— Нет! Нет! Не хочу я слона в удаве. Удавы слишком опасны, а слоны — неуклюжи. У меня дома всё маленькое. И мне нужен барашек. Нарисуй мне барашка, пожалуйста! Я покорился.

Внимательно рассмотрев рисунок, он сказал:

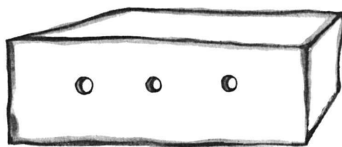
— Нет — он совсем больной. Нарисуй-ка другого. Я нарисовал.

Мой дружок по-доброму снисходительно улыбнулся:
— Сам погляди... Это не барашек, а взрослый баран.
С такими рогами...
Я попытался еще раз.

Но паренек отверг и этот вариант:
— Этот совсем старый. А мне нужен барашек, кото-
рый проживет долго.
Тогда, почти потеряв терпение — ведь мне надо было
спешить с починкой двигателя, — я нацарапал вот что:

И сказал ему:
— Вот тебе ящик. Там сидит твой барашек.
Как же я удивился, когда увидел, как засветилось от
радости лицо моего маленького критика:
— Это именно то, чего мне хотелось! Как ты дума-
ешь, ему нужно много травы?
— А что?
— У меня всего так мало...
— Я уверен, что ему хватит. Я нарисовал тебе совсем
маленького барашка.
Он наклонился ближе к рисунку:
— Он не такой уж маленький... Ой, кажется, он спит!
Так я и познакомился с Маленьким принцем.

ГЛАВА 3

Мне понадобилось немало времени, чтобы понять, откуда он. Маленький принц задавал мне вопросы без счета, но, казалось, совсем не слышал моих. Лишь благодаря случайно оброненным словам мне постепенно всё открылось. Например, когда он впервые увидел мой самолет (его я рисовать не стану, это для меня непосильная задача), то спросил:

— Что это за штуковина?

— Это не просто штуковина — она умеет летать. Называется «самолет». Это мой самолет.

Я с гордостью сообщил ему, что умею летать, и он вскричал:

— Как, неужели ты упал с неба?

— Да, — скромно ответил я.

— Ах! Как странно...

И принц рассмеялся красивым звенящим смехом, что меня просто возмутило. Я-то хотел, чтобы он отнесся к моим злоключениям всерьез. И вдруг он говорит:

— Значит, ты тоже живешь на небе! А на какой планете?

Я тут же смекнул, что сейчас самое время пролить свет на его таинственное появление, — и небрежно спросил:

— Ты сам, выходит, с другой планеты?

Но он промолчал. Изящно склонив голову набок, он разглядывал самолет:

— Конечно, на нем ты не мог прилететь издалека...

И мальчик погрузился в глубокую задумчивость. Через какое-то время он достал из кармана мой рисунок и стал внимательно разглядывать свое сокровище.

Вообразите себе, как я был заинтригован этим полу-признанием о другой планете! Конечно, мне захотелось узнать обо всем поподробнее:

— Так откуда ты взялся, мой маленький гость? И куда унесешь моего барашка?